

4. Григорьев В. Роман и вымысел // Лехаим. 2002. № 12.
5. Сарнов Б. Холодный траур» // Лехаим. 2002. № 12.
6. Кельнер М. Зигмунд Фрейд – хроникер // Лехаим. № 6. 2002.
7. Ратнер Л. Участливой руки пожатье // Идуд Хасадим. 2002. № 12, № 31–32.
8. Бейфест Б. Феномен еврейства // Идуд Хасадим. 2003. № 7–8.
9. Кардин Б. Можно ли верить речистым былинникам // Лехаим. 2003. № 10.
10. Цитерфин И. Создание легендарного Т-34 не обошлось без евреев // Еврейское слово. 2005. № 17 от 4–10 мая.
11. Гильмутдинов Б. Я считаю себя евреем // Лехаим. 2005. № 4.
12. Труб И. Пагубное пристрастие историка // Лехаим. 2005. № 8.

В.М. НОВИК

**«ТРЭБА ЖЫЦЬ, ЯК НАВЯЖЫЦЬ»: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ МАЛАЯ ВОЛЯ**

Время неумолимо отдаляет от нас, живущих сегодня, события грозных лет Великой Отечественной войны. Однако для людей, переживших весь трагизм лихолетья, ни время, ни радостные события мирных дней не могут вытеснить из памяти те черные страницы их жизни, горечь и боль от увиденного и пережитого, от потерь родных и близких, знакомых, односельчан. Они все помнят и рассказывают детям, внукам о том, как они выживали, сражались и победили.

В день накануне рокового 22 июня 1941 года жители деревни Малая Воля, ныне Дятловского района Гродненской области, расположенной в необычайно живописном уголке Белоруссии на правом берегу реки Щары, притока Немана, были заняты своим мирным созидательным трудом, как и многие сотни тысяч жителей большой страны Советов. Примечательным было лишь то, что большая часть из них трудилась на своих собственных лугах, полях, огородах, несмотря на воскресный день, так как после воссоединения Восточной и Западной Белоруссии в 1939 году в эти края еще не дошла коллективизация.

Деревенская молодежь с нетерпением ждала завершения рабочего дня, чтобы вечером отправиться на танцы, проходившие обычно в просторном доме, хозяева которого разрешали им повеселиться, пожертвовав своим отдыхом. Возвращаясь на рассвете домой, многие обратили внимание на непонятный вой собак в разных концах деревни и странный беспрерывный гул, доносившийся со стороны городов Слонима и Гродно. Станным и совершенно непонятным был рассвет 22 июня и для Михаила Пузача, который возвращался со свадьбы, проходившей в местечке Деречин, что в направлении Гродно. Отыграв свадьбу вместе со своим товарищем Викентием Павочкой, они были рады тому, что появилась еще одна счастливая семья, в создании которой они принимали участие. 22-летние парни и представить себе не могли, что с этого дня на целых пять лет затихнет марш Мендельсона, который они играли для молодоженов.

Утром тревога охватила всех жителей деревни. Никто не мог объяснить происходящее. Были лишь догадки о том, что могла начаться война «немца» с русскими, как говорили в деревне. Эти слухи нет-нет да и появлялись задолго до 22 июня 1941 года, хотя никто не хотел в это верить. Никаких средств связи в то время не было, и население деревни не могло услышать правительственное сообщение о том, что под прикрытием ночи, без объявления войны, фашистские орды внезапно вторглись в пределы нашей страны.

Истинное положение дел прояснилось на третий день – 24 июня. Жители деревни не только услышали, но и увидели войну. Сначала на бреющем полете несколько самолетов со свастикой на крыльях пролетели вдоль реки Щары и разбомбили мосты в деревне Большая Воля, что в трех километрах на запад от Малой Воли и в деревне Скрудди, что в пяти километрах на восток. Вскоре на противоположном берегу реки стали появляться части Красной Армии, которые, неся тяжелые потери, преследуемые фашистскими танковыми соединениями Г. Гота и Г. Гудериана, отступали на восток в направлении белорусского города Лиды. Расстроенные колонны машин, танки, солдаты 11-го механизированного корпуса генерала Д.К. Мостовенко устремились на переправу через Щару в районе Большой Воли, но мост уже был разбит. С помощью местных жителей из подручных средств удалось организовать временную переправу, по которой проехали машины с орудиями и минометами. Танки, пехота и кавалерия пошли вброд. Немалое количество отступавших оказалось напротив д. Малая Воля, жители которой сразу же задействовали все лодки и паром для переправы, указывали места, где можно было преодолеть реку вброд. К сожалению, не обошлось без жертв. В спешке, а порой не умеющие плавать солдаты и офицеры тонули в реке и особенно в озерах, находившихся как на левом, так и на правом берегах Щары. Фашистская авиация безжалостно сеяла смерть среди отступавших бойцов Красной Армии, разрушая дома мирных жителей и истребляя все живое.

Мирная жизнь была прервана. Над свободным населением нависла фашистская угроза. Все чаще и чаще проезжали теперь по деревне колонны немецких солдат. В соседней деревне Лупачи расположился немецкий штаб.

К концу июля 1941 года весь Дятловский район был оккупирован фашистами, где они начали устанавливать «новый порядок»¹. В условиях военного времени жители деревни начинали осознавать, что «трэба жыць, як набяжыць», то есть «следует жить так, как складываются обстоятельства».

В Белоруссии, как и в целом по стране, началась мобилизация военнообязанных граждан 1905–1918 годов рождения². На призывной пункт в местечко Козловщину, бывшее в то время районным центром, что в 16 км от деревни Малая Воля, отправились из деревни более 30 юношей, готовых встать на защиту родины от врага. Каково же было их удивление, что ни одного из них не отправили на фронт! Власти мотивировали это тем, что на всех наложена бронь, и они должны заниматься заготовкой и сплавом леса, необходимого для фронта. Среди населения ходили слухи, что «западников» (так называли население Белоруссии, входившей в состав Польши до 1939 года) неохотно отправляли в ряды Красной Армии, опасаясь предательства с их стороны. Некоторые объясняли такую ситуацию тем, что стремительное отступление Красной Армии не позволило организовать новобранцев для отправки на фронт. Защищать Родину ушли только 9 человек, которые были призваны в ряды Красной Армии накануне войны. Вернувшиеся обратно в деревню юноши не стали сокрушаться по поводу случившегося, полагая, что всем вместе выжить будет легче. К тому же все больше и больше давали о себе знать «новые порядки» захватчиков. К осени 1941 года территория Белоруссии была разделена на округа для организации и проведения в них актов террора специальными частями гестапо, зондеркомандами, войсками СС и СА. Дятловский район был отнесен к генеральному округу «Беларутэнія». В сентябре 1941 года в Дятлово было создано гетто, в котором содержалось до 4500 человек

еврейского населения, позже в ходе погрома из них было расстреляно 3500 человек³. В Козловщине были созданы волостное управление, отряды вспомогательной полиции для контроля и проведения мер безопасности на близлежащих территориях. По распоряжению командующего тылом группы армии «Центр» генерала пехоты фон Шенкендорфа в ряды вспомогательной полиции бургомистрам волостей было рекомендовано привлекать «надежных фольксдойче», белорусов, и если таковых не имеется, то поляков⁴. В деревне эти обязанности были возложены на М.Г. Лупача без его согласия, но к выполнению их он так и не приступал.

В ходе участвовавших рейдов служащих вспомогательной полиции и отрядов эсэсовцев у жителей деревни стали уводить скот, вывозить зерно, отнимать одежду и другие предметы домашнего быта. Население вынуждено было уйти в подполье. Убежищем для сельчан теперь стали густые леса, окруженные топкими болотами. С собой они уводили скот, увозили небогатый скарб или, в надежде на скорое освобождение, закапывали его в ближайшем от деревни лесу. В перерывах между бомбежками и боями, которые вели отступавшие силы Красной Армии с фашистами, сельчане умудрялись сеять, а потом и собирать урожай, заготавливать на зиму корм для скота и дрова для отопления домов.

Затихавшая на время канонада давала местным жителям возможность оказаться на месте боя, чтобы помочь раненым. В деревне было немало смельчаков, а порой и просто любопытных, которые стремились побывать на месте боя. К числу таких относился и М.В. Пузач.

Увиденное, рассказывал он, потрясло его: сотни трупов, лужи крови и рядом стоящая машина, заполненная телами убитых советских солдат. Находившийся там командир едва подавал признаки жизни. Но когда деревенский парень подошел к машине поближе, он командирским голосом приказал ему помочь сесть за руль машины. После этого машина направилась в сторону Лиды, куда отступали части Красной Армии.

О не менее трагичном случае рассказала Мария Господарик, когда во время отступления Красной Армии к ним в дом с пистолетом в руках вбежал русский офицер, по лицу которого было видно, что он потрясен каким-то невероятно страшным событием. «Вы русские или поляки?» – озлобленным голосом спросил он. Находившаяся в это время вместе с дочерью ее мать Марыся Господарик была перепугана до смерти, но, тем не менее, спокойно объяснила, что они белорусы, ее сын также находится на фронте, и о нем они ничего не знают. Затем пригласила его к столу и расспросила о случившемся. Оказалось, что офицер сопровождал колонну эвакуированных на восток, где была и его семья, которая погибла во время бомбежек. Увидев сочувствующие лица женщин, он признался, что в порыве отчаянья не контролировал свои действия, потом поблагодарил за приглашение отобедать и предложил пройти к машине и взять из уцелевших вещей его семьи то, что они считают для себя нужным. Пришедшая на место трагедии 18-летняя Мария Господарик была вне себя от увиденного. Только спустя некоторое время она рассказала о множестве убитых беженцев и уцелевшей машине, в которой с большим старанием и аккуратностью, судя по всему руками жены офицера, были уложены все вещи.

Испытывая боль и горечь от увиденного во время отступления Красной Армии и следовавших с ними колонн беженцев, а также постоянный страх за свою жизнь и жизнь близких, население деревни все же не покидала надежда на то, что

«блицкриг» скоро захлебнется и фашисты будут разбиты. Основанием для такой уверенности было широко развернувшееся партизанское движение на оккупированной гитлеровцами территории Белоруссии.

Центром партизанского движения на Дятловщине, куда относилась и деревня Малая Воля, стали леса Липичанской пущи, где была сформирована и действовала Ленинская партизанская бригада во главе с командиром Ф.М. Синичкиным, позже – Б.А. Булатом. Партизаны наносили ощутимые удары по фашистам. Они смело действовали в тылу врага: взрывали мосты, разрушали дороги, линии связи, пускали под откос эшелоны, громили волостные управы и отдельные гарнизоны, уничтожали живую силу противника. Борьба народных мстителей, ядром которой были бойцы и командиры Красной Армии, вышедшие из окружения или вырвавшиеся из фашистского плена, нашла всенародную поддержку. Партизанские отряды пополнялись за счет местного населения, в их рядах оказались и жители деревни Н.Н. Павочка, В.М. Пузач, М.В. Пузач, В.И. Новик. Существенную поддержку партизанам оказывало деревенское население. Оно обеспечивало народных мстителей продуктами питания, информировало о перемещении войск противника, укрывало раненых.

3649-й партизанский отряд, возглавляемый Б. Булатом, который в октябре 1942 года дислоцировался в километре от Малой Воли, за время его существования «подорвал 12 поездов, 7 мостов с поездами, 1 без поездов. Были разбиты 2 бывших райцентра, 18 мин; уничтожено 7 автомашин с живой силой и боеприпасами. Разбит в деревне Руда-Яворская 115-ый украинский батальон⁵, взяты трофеи: боеприпасы, документы штаба и часть оружия; убито с их стороны 50 человек, взято в плен 10 человек»⁶. Сплав военного опыта командиров партизанских отрядов и знание местных условий партизанами придавали особую остроту борьбе против оккупантов, и наносили гитлеровцам значительный ущерб. Для борьбы с партизанским движением в советском тылу немецко-фашистское командование вынуждено было летом и осенью 1942 года использовать до 24 дивизий⁷. Данные фашистской полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР о деятельности партизан и подпольщиков Белоруссии в 1942 году пестрели сообщениями о том, что «бандитская опасность в Белоруссии по-прежнему актуальна...»⁸, «бандитская деятельность по-прежнему остается проблемой в Белоруссии»⁹.

Чтобы взять реванш над противником, фашисты перешли к тактике тотального опустошения захваченной территории и массового истребления людей. В декабре 1942 года свои удары они направили против партизан Ленинской бригады: организовали карательную экспедицию численностью до 35 тысяч солдат¹⁰, но она закончилась провалом. И тогда на вооружение гитлеровцами была взята директива Гитлера от 16 июня 1942 года, в которой было сказано: «Партизанская война дает нам возможность уничтожить все, что против нас»¹¹. Начальник оперативного штаба полиции безопасности и СД в Минске штандартенфюрер С.С. Пифрадер в своей директиве от 18 ноября 1942 года начальникам разведывательных команд напомнил о том, что «коллективные расстрелы, сожжение деревень без полной ликвидации или выселения их жителей приводят только к отрицательным для нас результатам»¹².

Начались массовые облавы против мирного населения, которое подозревалося в связях с партизанами. С закатанными до локтей рукавами, в железных касках на голове, с автоматами наперевес, плотными рядами фашисты начали прочесывать деревни и близлежащие леса. Жертвами рейдов стали жители деревни Малая Воля

К.И. Грецкий, И.Ф. Коренко, Д.И. Павочка, К.К. Павочка, П.Ю. Пузач, которые были расстреляны в деревне Лупачи, где находилась немецкая комендатура. Туда же под дулами автоматов была насильственно доставлена и семья В.Н. Пузача из 8 человек, среди которых были дети в возрасте от 9 до 11 лет. Эта семья подозревалась в том, что она жила на хуторе¹³, и поэтому ее сочли потенциальными пособниками партизан. От расстрела семью Пузачей спасло лишь то, что Виктор Николаевич пообещал им принести свежей рыбы, пойманной накануне. Оставив членов его семьи в качестве заложников, гитлеровцы отпустили его, что бы он выполнил свое обещание. Так корзина свежей живой рыбы спасла жизнь большой семье.

Борьба с партизанским движением на оккупированной территории становилась для немецкого государства лишь одним из способов освобождения жизненного пространства от «неполноценных народов» и стала приобретать невиданные масштабы.

Наступил черный декабрь 1942 года – самый трагический как для жителей деревни Малая Воля, так и близлежащих селений. Фашисты с необычайной жестокостью стали «платить» мирным жителям массовыми расстрелами за гибель каждого убитого немца.

13 декабря 1942 года возле деревни Трахимовичи в перестрелке с партизанами было убито несколько немецких солдат. Уже через несколько часов фашисты окружили деревню и сожгли 22 дома, расстреляли 142 человека из 165 жителей, проживавших в 23 домах.

14 и 16 декабря трагическая судьба постигла жителей деревни Большая Воля, в которой было 104 двора и проживало 430 человек. Были сожжены все дома и расстреляны 364 человека, лишь девяти сельчанам чудом удалось выбраться из под мертвых тел. На этот раз поводом для массового расстрела жителей стало убийство семьи Жилинских. (До войны глава семейства охранял мост через реку Щару, а его сын Валентин с приходом немцев перешел на их сторону.) Об этом чудовищном акте карателей маловоляне узнали в лесу, куда после расстрела к ним ночью добрались чудом спасшиеся И. Городко и И. Павочка.

18 декабря 1942 года настал судный день и для жителей деревни Малая Воля. Холодный декабрь не позволял долго прятаться в лесу, и большинство жителей вернулось в свои дома. С утра вся деревня оказалась заполнена немцами, которые под дулами пулеметов стали сгонять жителей в два заранее назначенных места: одну группу – к дому И. Панасика, другую – на берег реки возле дома Л. Дубицкого. Кому-то удалось спрятаться на чердаках домов, в сараях, кто-то при появлении карателей успел убежать обратно в лес, оставив своих родных. Так, например, поступил И.А. Чудиловский, оставив жену и двух детей в возрасте одного года и 3-х лет, так как с ними убежать было невозможно. Он сделал это сознательно, чтобы в случае их гибели было кому хоронить убитых. Те, кто не мог сам дойти до назначенного места по причине старости или болезни, были расстреляны на месте. Так трагически оборвалась жизнь Н. Коренко, М. Чудиловской, П. Пузача. Антонину Ольховик каратели расстреляли только за то, что она носила очки, и это явилось основанием считать ее еврейкой. Собравшихся жителей деревни заставили встать на колени и окружили со всех сторон пулеметами. На слезы и мольбы, просьбы: «Паночки, отпустите нас, мы ни в чем не виноваты, мы жить хотим», каратели не реагировали. Все были в полном недоумении от действий одного из автоматчиков, когда он из толпы обреченных вытащил девочку-красавицу

(это была 11-летняя Анна Лупач) и на ломаном польском языке предложил отправить ее к своим родителям в Германию, чтобы жениться на ней после окончания войны.

Никто уже не питал надежды на спасение, и жители стали прощаться друг с другом. Вдруг к оцепеневшим от страха жителям, ждавшим своей последней минуты у дома И. Панасика, подъехала машина, и из нее вышел Валентин Жилинский. Все подумали о самом худшем зная, какая участь постигла жителей близлежащих деревень. Находившиеся в полном отчаянии маловолюяне только молили Бога о спасении и не обращали внимания на разговоры, которые вел В. Жилинский с теми, кто в любую секунду готов был пустить в них пулеметную очередь. Все оказались в полном недоумении, когда закончив переговоры, В. Жилинский уехал, и жители в это же время увидели вспышку сигнальной ракеты, которая, как оказалось, была сигналом к их спасению. Это был знак, который должны были принять немецкие солдаты, державшие под дулами пулеметов и автоматов группу окруженных на берегу реки возле дома Л. Дубицкого людей на другом конце деревни. На этот раз Господь услышал их молитвы. Всем жителям было разрешено разойтись по домам.

Почему же после появления В. Жилинского последовало освобождение жителей деревни? Точный ответ на этот вопрос мог бы дать только он сам, но он покинул деревню вместе с немцами. Среди жителей деревни ходили слухи о том, что Валентин был ровесником деревенских парней, с которыми у него были тесные дружеские отношения еще до войны. Кроме того, по словам Алексея Новика, это было связано с именем П.И. Булака – командира одного партизанского отряда. Преследуемый полицией, он укрывался в доме жены, которая была родом из деревни Малая Воля. Когда они зашли в дом, Булак лежал на печи. Жена «пожалела» о его отсутствии, вышла в кладовую за самогонкой, чтобы угостить «визитеров». П.И. Булак, полагая, что, если дело дойдет до обыска, ему живым не уйти, в отсутствие жены выпустил очередь из пулемета, никого не убив при этом. Самому ему удалось сбежать. Полагают, что отсутствие жертв во время этого инцидента явилось залогом спасения жителей деревни.

Однако такое везение выпало на долю далеко не всех селян. По-прежнему продолжались облавы, во время которых гибли ни в чем не повинные люди. Так произошло с Сидором Коренко и его женой Людвигой. Отслужив в царской армии два срока за себя и брата, он получил приличное вознаграждение и купил в собственность землю, мельницу и другие ценности. По меркам того времени, это была самая зажиточная и образованная семья в деревне. Поскольку все было нажито своим собственным трудом, Коренки боялись оставить свой дом в момент очередного рейда карателей. Их сын Иосиф, вернувшийся на следующий день из леса, где он укрывался, увидел только мертвые тела своих родителей и разбросанные по всему двору письма брата Михаила, служившего в польской армии. Очевидно, эти интеллигентные люди пытались предоставить их карателям, рассчитывая на свое спасения.

Безжалостно были расстреляны фашистами: В.Ю. Ольховик, Ю.И. Ольховик, Н.Ф. Ольховик, Антонина и Евгений Панасик, И.И. Пузач, которые скрывались в д. Дуборощина. В Руде Яворской, где находился немецкий гарнизон, был повешен схваченный в лесу как пособник партизан И.И. Грецкий.

Самих жителей деревни, испытавших неимоверный страх после готовящейся над ними расправы, на третий день в принудительном порядке отправили хоронить убитых великоволян. Переноса безжизненные тела в только что вырытую большую могилу, они нашли среди убитых живых детей – четырехлетнего Броника Шкивата и годовалую девочку. Став на колени перед карателями, все просили о пощаде для детей. Но изверги были неумолимы, и на глазах у всех они хладнокровно расправились с беззащитными малолетними детьми. В деревне Трахимовичи тем, кто пришел хоронить убитых, пришлось уже в который раз видеть загубленные жизни мужчин, женщин, детей, жизнь которых оборвалась по воле фашистов, пришедших освобождать для себя жизненное пространство от «неполноценных народов».

В 1943 году началась очередная черная страница в жизни жителей деревни. Фашисты терпели одно поражение за другим. Восточный фронт требовал больших людских и материальных ресурсов. Военная промышленность Германии не могла обеспечить армию всем необходимым. Часть недостающей силы на производстве компенсировали тысячи военнопленных. Но этого немцам явно было недостаточно для желаемой победы. Началась «мобилизация» молодежи для производства на фабриках, заводах, шахтах Германии. Из районного центра Козловщина в деревню направлялись отряды вспомогательной полиции для принудительной отправки здорового трудоспособного населения в Германию. Первоначально предлагали добровольно отправиться «на заработки» тем, у кого было мало земли, и разъясняли, что одиночек будут отправлять на заводы, фабрики, шахты, а семейные пары – для работы на фермы. Добровольцев отправиться в обещанный «рай» не находилось. И тогда среди работников комендатуры появились так называемые «хапуны». Приезжая в населенный пункт, они хватали первых попавшихся на глаза людей и доставляли в Козловщину, где формировались группы для отправки в Германию. Так, в числе схваченных оказались М. Пузач, его отец В.Н. Пузач и односельчанин В.Д. Павочка, в доме которого они первоначально содержались. 11-летняя Валя Пузач, взяв с собой деньги и съестные припасы, пошла хлопотать за отца и брата, чтобы их освободили. Никакие аргументы не действовали на пособников фюрера. Каким-то чудом брату удалось сбежать, отца не взяли из-за возраста (ему было 75 лет), а она, босая, полураздетая вместе с В.Д. Павочкой была доставлена в Козловщину. Группа еще не была сформирована, и их на ночь оставили в полуподвальном помещении с решетками. На счастье, никто накануне их не обыскал, и в кармане В.Д. Павочки оказался маленький нож, которым удалось перепилить решетку. Вырвавшись из плена, босиком по снегу (был уже декабрь месяц) они добрались до деревни Русаки, что в четырех километрах от Козловщины. Родственники переодели их, дали Вале полуразвалившиеся ботинки на несколько размеров больше положенного и попросили скорее покинуть дом, опасаясь накликать на себя гнев полиции. Валентина осталась жива. Со слезами на глазах позже она рассказывала о тех страшных событиях и казавшихся вечностью днях. У В.Д. Павочки от того сильного переохлаждения к старости отнялись ноги.

Чтобы обезопасить себя от угона в рабство, молодежь деревни стала натирать тело цветами куриной слепоты – растением, которое вызывало вздутие вен и язвы. Немцы, не щадившие жизнь миллионов людей, тщательно оберегали свою, опасаясь заразиться какими-либо болезнями. Однако и эта крайняя мера не спасла

от угона в Германию 24-летней Зинаиду Ольховик, Ивана Пузача (23 года), Зинаиду Коренко (18 лет). Вместе с ними был отправлен и 49-летний Иосиф Новик¹⁴. Вместо него на сборный пункт в Козловщину должна была отправиться его 15-летняя дочь Елена. Зная о том, что на каторгу отправляют только молодых и здоровых, она предложила: «Иди ты, отец, тебя не возьмут». Но его взяли, невзирая на возраст. Два года он работал на погрузке угля в Обер-ходе, И. Пузач на ферме в Фельзберге, З. Коренко в Ганайде на колесной фабрике, З. Ольховик работала в имении Остарада¹⁵ и встретила там такого же молодого парня Николая Шелесного, угнанного на каторгу из деревни Гута, что в 14 км от Малой Воли. Позже она вышла за него замуж. К счастью, в конце 1945 года все пятеро вернулись к родным.

Но не со всеми односельчанами им суждено было встретиться. Зверства фашистов на белорусской земле продолжались. Чем очевиднее были успехи Красной Армии на фронтах и партизан в тылу врага, тем с большей жестокостью немцы проводили карательные операции в селах. В 1943 году фашисты сменили тактику массовых расстрелов мирных жителей в селениях и стали свозить схваченных по подозрению в связях с партизанами в определенные места. Сменился и способ расправы со своими жертвами. Обреченных на смерть стали сжигать. Так, в Дятлово заживо был сожжен житель деревни Р. Панасик. В деревне Погири, недалеко от Дятлово, такая же участь постигла Н.Н. Павочку, В.М. Пузача и В.И. Новика.

Все труднее становилось выживать населению деревни. Беспрерывно трассирующие пули, рвущиеся снаряды становились причиной непрекращающихся пожаров, в результате чего из 75 дворов, которые были накануне войны, было уничтожено 58¹⁶. Все сложнее становилось выращивать урожай и содержать скот, так как большую часть года людям приходилось скрываться в лесу. Некоторые семьи начинали ощущать голод, нехватку самой простой одежды и обуви. Особенно это испытывали на себе малоземельные сельчане, т. к. им не доставало зерна, других сельскохозяйственных продуктов, сырья (шерсти, льна, конопля) для изготовления одежды. Более состоятельные делились своим скарбом, давали в долг, а некоторым приходилось нищенствовать и даже идти на службу в более зажиточные семьи, хотя в деревне таких было не так много.

В таких условиях некоторые прибегали к опасным промыслам, приводившим порой к трагедии. Чаще всего это было связано с особым способом ловли рыбы. Так, молодые парни бросали снаряды в реку и после взрыва собирали улов. Иногда снаряд взрывался в руках неопытных жителей. Именно так случилось с Ф. Пузачем и Н. Новиком, в руках которых преждевременно разорвался снаряд. Собрать их тела удалось только с помощью грабель. Так гибель мужчин, не участвовавших в боях, осиротила их семьи.

Молодые парни гибли также от случайных пуль или от пуль фашистских снайперов, когда они собирали вещи из брошенных машин беженцев. Так случилось, например, с Владимиром Дубицким и Степаном Новиком.

Жителям деревни приходилось хоронить и оплакивать не только родных, близких, односельчан, но и тех, кто волею судеб был связан с ними в это трудное время. В их памяти осталось имя Атласа Миллера, который отстал от отступавшей Красной Армии и пополнил ряды партизан, действовавших в окрестностях Малой Воли. Ветеринарный врач по профессии, он безотказно лечил всех, кто ни обращался к нему. В одном из жестоких боев, который вели партизаны с остервенелыми фашистами, А. Миллер был ранен. Его вынесли с поля боя, отвезли в безопасное

место, но спасти его не удалось. В густом лиственном лесу, где находилась партизанская база, его похоронили. Благодарные жители деревни назвали одно из урочищ его именем – «Под Миллером».

Бесконечные тревоги, рейды карателей, страх, голод и холод должны были, как полагали фашисты, сломить народ. Но не сдались простые, бесхитростные, заботливые и твердые духом жители Малой Воли. Когда стихала канонада, в таких, казалось бы невыносимых условиях в деревне порой звучала музыка и песни. Молодежь пела и плясала, к ней присоединялись и партизаны. Правда, как вспоминают сельчане Михаил Копать и София Чудиловская, слышав выстрелы, все мгновенно оставляли место увеселения и разбегались в разные стороны.

Увидев безоружных, одиноко шедших немцев, некоторые могли посочувствовать им. Так было и с Марией Господарик. Когда мимо ее дома проходил красивый, как ей показалось, статный, не озлобленный, с открытым и добрым лицом немецкий солдат, она попыталась объяснить ему, чтобы он не шел в направлении реки Щары, где находились партизаны, которые могли убить его. Не оставиваясь, он только ответил ей по-польски «*Ja niekogo ne zabijem i mnie nikt nie zabije*» («я никого не убил и меня никто не убьет»), и пошел дальше своей дорогой.

Несмотря на все беды и трудности, которые приходилось переносить жителям деревни, в семьях рождались дети. 16 девочек и 24 мальчика появились на свет в 1941–1945 годах. Из них в 1941 году – 2, 1942 году – 10, 1943 году – 6, 1944 году – 10 и в 1945 году – 12¹⁷. Эта динамика роста населения деревни последних лет войны – живое подтверждение тому, что ее жители выстояли, победили, а мы, потомки, должны помнить об этом и быть благодарными им.

Примечания

¹ *Лемяшонак У.* Надышла чорная ноч // Памяць. Дзятлаўскі раён. Мінск, 1997. С. 106.

² Великая Отечественная война. М., 1970. С. 70.

³ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далее НАРБ), ф. 845, воп. 1, спр. 186, лл. 37, 38.

⁴ НАРБ, ф. 4683, воп. 3, спр. 952, л. 5.

⁵ 115-й украинский батальон был направлен в д. Руду Яворскую, что в 9 км от д. Малая Воля, чтобы организовать комендатуру и парализовать партизанское движение в округе.

⁶ Цит. по: *Шупеня С.П.* Гневная Щара. Минск, 1977. С. 18.

⁷ Великая Отечественная война. М., 1970. С. 205.

⁸ Так гитлеровцы именовали партизан и подпольщиков, чтобы опорочить и дискредитировать партизанское движение.

⁹ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы: в 3 т. Минск, 1973. Т. 2. Кн. I. С. 360, 362.

¹⁰ НАРБ, ф. 3500, воп. 4, спр. 251 л. 179.

¹¹ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1968. С. 53.

¹² Там же. С. 130–131.

¹³ В.Н. Пузач дважды выезжал на заработки в США и по возвращении купил землю и лес в километре от д. М. Воля, где и был построен дом, называемый в Белоруссии хутором.

¹⁴ Зональный государственный архив, г. Новогрудок (далее ЗГА), ф. 789, оп. 1, д. 8, л. 5.

¹⁵ ЗГА, ф. 720, оп. 1а, д. 18. л. 20.

¹⁶ НАРБ, ф. 4683, воп. 3, с. 76, 1, л. 61.

¹⁷ НАРБ, ф. 4683, воп. 3, с. 761, л. 61.